

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-6-82-97

Сергей Маркович ХЕНКИН

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России Проспект Вернадского, 76, Москва, 119454,
Российская Федерация
sergkhenkin@mail.ru

Монархия и переход к демократии в Испании

АННОТАЦИЯ. В 1970-е годы испанская монархия в лице короля Хуана Карлоса I выступила в неожиданной роли инициатора радикальных социальных перемен. Хуан Карлос, внук короля Альфонсо XIII, свергнутого в 1931 г., воспитывался Франко. После смерти каудильо в ноябре 1975 г. он занял пост главы государства. Первоначально король, разделявший либеральные взгляды, оказался в очень сложной ситуации. В нем видели наследника Франко, он был лишен демократической и династической легитимности. Хуану Карлосу удалось добиться назначения на ключевые управленческие посты своих доверенных лиц – Т.Фернандеса-Миранду и А.Суареса, которые, осуществив ряд реформ, демонтировали авторитарный франкистский режим и привели страну к демократии. Сам король, оставаясь за кулисами, выступал как арбитр, «мотор» и покровитель процесса перемен. В испанском обществе на смену индифферентному и даже негативному отношению к монархии пришла уверенность в нужности и полезности этого института. К сожалению, в последние годы царствования Хуана Карлоса его популярность резко снизилась из-за коррупционных скандалов в королевской семье. Однако давая общую оценку роли Хуана Карлоса в испанской истории, на первое место следует ста-

вить его заслуги, а не промахи. Испанцы в свое время приняли монархию, потому что их покорила король, а не монархия как институт.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Испания, монархия, Хуан Карлос, франкизм, переход к демократии, легитимность, правопреимство, республика

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Хенкин С.М. (2017). Монархия и переход к демократии в Испании. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (6). 82-97. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-6-82-97

DOI: 10.23932/2542- 0240-2017-10-6-82-97

Sergey M. KHENKIN

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
sergkhenkin@mail.ru

The Monarchy and the Transition to Democracy in Spain

ABSTRACT. *In the 1970s, the Spanish monarchy, represented by King Juan Carlos I, appeared in an unexpected role of the initiator of radical social change. Juan Carlos, the grandson of King Alfonso XIII, deposed in 1931, was brought up by Franco. After the death of Caudillo in November 1975, he assumed the post of head of state. Initially, the king, who shared liberal views, was in a very difficult situation. He was considered as a heir of Franco, he was deprived of democratic and dynastic legitimacy. Juan Carlos managed to appoint his trustees – T. Fernandez-Miranda and A. Souares to key government posts. They had carried out a number of reforms and as a result dismantled the authoritarian Franco regime and led the country to democracy. The king himself, remaining behind the scenes, acted as an arbiter, a “motor” and patron of the process of changes. In Spanish society, the indifference and even the negative attitude towards the monarchy was replaced by confidence in the necessity and usefulness of this institution. Unfortunately, in the last years of the reign of Juan Carlos, his popularity fell sharply due to corruption scandals in the royal family. However, giving an overall assessment of the role of Juan Carlos in Spanish history, the first place should be given to his services, not mistakes. The Spaniards at one time adopted a monarchy, because they were subdued by the king, and not by the monarchy as an institution.*

KEYWORDS: *Spain, monarchy, Juan Carlos, Francoism, transition to democracy, legitimacy, succession, republic*

FOR CITATION: Khenkin S.M. (2017). The Monarchy and the Transition to Democracy in Spain. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (6). 82-97. DOI: 10.23932/2542- 0240-2017-10-6-82-97

Монархический строй призван гарантировать стабильность. В странах Западной Европы короли, как правило, выполняют представительские функции, обеспечивая сохранение устоев и преемственность развития.

Испания 1970-х годов стала исключением из общего правила. Когда в середине 70-х годов в этой стране распалась «связь времен» и возникла неопределенность по поводу государственного устройства и перспектив развития вообще, именно монархия в лице короля Хуана Карлоса I превратилась в основную движущую силу радикальных перемен. Впервые в истории этой страны представитель королевской семьи ориентировался не на сохранение статус-кво, а пошел наперекор традициям и при поддержке народа и основных партий ликвидировал диктаторский франкистский режим. Испанский опыт расширил горизонты представлений о возможностях современной мо-

нархии, доказав, что она способна становиться и движущей силой демократических реформ, и пресекать попытки авторитаризма, и превращаться из реального участника политической борьбы в арбитра (и наоборот).

Монархия в истории Испании

Исторически монархия в Испании была не просто формой правления. Ее невозможно отделить от национальной культуры, традиций страны. По существу, на протяжении веков слова «Испания» и «монархия» стали синонимами. В многонациональной стране, сохранявшей ярко выраженные региональные особенности, монархия была постоянным и устойчивым институтом, скреплявшим ее, гарантировавшим преемственность развития, оберегавшем хозяйственные устои и моральные ценности.

На испанском королевском троне и в догабсбургский период, и в период правления династии Габсбургов (1516-1700 гг.), и при Бурбонах (с 1700 г.) сменилось множество королей – и ярких, и посредственных. Но независимо от их способностей к управлению и личных качеств престиж монархии как института всегда был исключительно высок. Восстания и другие выступления социального протеста проходили в Испании под возгласы: «Да здравствуют короли! Долой плохих министров!». Духовной основой монархического строя был католицизм. Национальное единство испанцев выражалось древним девизом – «Бог, родина, король»¹.

В XIX – начале XX в. монархическая легитимность в Испании вступила в полосу острого кризиса. Совокупность

разнородных факторов – развитие капиталистических отношений и развертывание либерального и рабочего движения, фаворитизм, коррупция и разложение при дворе королей из династии Бурбонов, влияние Великой французской революции, свергнувшей королевский абсолютизм, – все это привело к тому, что монархическая власть в Испании зачастую становилась объектом критики, многие движения социального протеста направлялись непосредственно против трона. Страна превратилась в арену хронической нестабильности, политических потрясений.

Монархия не только не сумела обеспечить общественной стабильности, но и сама зачастую выступала фактором дестабилизации. Отчетливо выявился узкосословный характер власти Бурбонов, ориентированной на защиту интересов короны и связанных с ней групп элиты. Страна переживала идентификационный кризис, сильный толчок которому дало поражение в испано-американской войне 1898 г., сопровождавшейся потерей последних заморских владений, резким ослаблением внешнеполитических позиций и превращением некогда могущественной колониальной империи в государство второго ранга.

В ходе кризиса два раза разрывалась «монархическая постепенность». Впервые это произошло в 1873 г. В условиях образовавшегося вакуума власти Испания была провозглашена республикой (она просуществовала 11 месяцев) (История Европы..., 2000, с. 445-446).

Во второй раз разрыв «монархической постепенности» произошел в апреле 1931 г. Монархию дискредитировала политика генерала Примо де

¹ Подробнее см.: (Хенкин, 2001, с. 6-8).

Риверы, захватившего власть в результате военного переворота в сентябре 1923 г. и установившего свою диктатуру. Король Альфонсо XIII, хотя и нес ответственности за переворот, смирился с авторитарным правлением военных (Престон, 1999, с. 43). В Испании распространялись республиканские настроения. С республикой связывались надежды, порой утопические, на наступление «новой эры», которая восстановит стабильность и принесет избавление от трудностей и тягот.

12 апреля состоялись муниципальные выборы, на которых почти во всех крупных и средних городах победили сторонники республики. Выборы приобрели характер плебисцита. 14 апреля была провозглашена республика. Король Альфонсо XIII покинул страну. При этом он не отрекся от престола, надеясь, что ситуация изменится и его попросят вернуться (Престон, 1999, с. 65).

«Вторая республика» не только не сумела преодолеть идентификационный кризис, но еще больше углубила его. Республика была встречена в штыки влиятельными группами испанского истеблишмента. Она воспринималась как покушение на национальную идентичность, самую суть «испанскости». За конфликтом «монархия – республика» стоял фронтальный раскол испанского общества на два враждебных лагеря. В обществе, где понятия о либеральной демократии только начали формироваться, конфликт «двух Испаний» вылился в форму кровопролитной гражданской войны 1936–1939 гг. Монархисты активно участвовали в ней на стороне генерала Франко, возглавлявшего мятеж против республики. С его победой связывались надежды (подпитывавшиеся самим Франко) на скорое возрождение в Испании монархии.

Однако каудильо этого не сделал. Он создал собственную политико-пра-

вовую систему, сконцентрировав в своих руках всю полноту власти. При этом вопрос о форме правления в Испании долгое время (1939–1947 гг.) оставался открытым. В 1943–1945 гг. в условиях военных поражений фашистской Германии и Италии, поддерживавших франкистский режим, монархисты усилили давление на каудильо, требуя восстановить традиционную монархию.

В лагере монархистов (точнее, альфонсистов, поскольку существовало еще и соперничающее с ними карлистское крыло) произошли изменения. В феврале 1941 г. умер в изгнании король Альфонсо XIII. Права на престол он завещал своему младшему сыну – дону Хуану, графу Барселонскому, отцу Хуана Карлоса (родился в 1913 г.).

Отношения между законным наследником престола доном Хуаном и Франко были сложными. После войны граф Барселонский отмежевался от франкистского режима как противоположного традициям испанского народа, рекомендовал своим сторонникам прекратить сотрудничество с ним и призвал восстановить в Испании традиционную монархию в собственном лице (Ferrando Badia, 1979, p.30).

Публичные заявления дона Хуана оживили промонархические настроения в Испании. Учитывая это обстоятельство и вместе с тем понимая важность обновления фасада своего режима в послевоенном мире, Франко пришел к выводу о необходимости восстановления института монархии. 7 июня 1947 г. в соответствии с законом «О наследовании поста Главы государства» Испания была провозглашена королевством.

Это закон был вынесен на референдум, состоявшийся 6 июля 1947 г. В его преддверии власти развернули энергичную пропагандистскую кампанию, убеждая испанцев сказать «да», если

они католики и не хотят видеть свое отечество в руках коммунистов и предать память погибших за дело националистов в гражданской войне. Результаты голосования были следующими: за – 14,1 млн. (93%), «нет» – 723 тыс. (4,7%), еще 352 тыс. (2,3%) оставили пустые и испорченные бюллетени. 1,9 млн. испанцев, в основном жители крупных городов, не пришли к избирательным урнам (Престон, 1999, с. 432). По различным оценкам, выборы сопровождались фальсификациями.

Возрожденная монархия выглядела не как продолжение исторической традиции, а как детище Франко, порождение 18 июля 1936 г., когда начался мятеж против республики. Диктатор исключил из процесса престолонаследия прямого наследника – дона Хуана, порвал с королевским домом Бурбонов. Это была своего рода «кооптированная» монархия. Существенно и то, что Испания становилась «королевством без короля». Согласно закону «О наследовании поста Главы государства» только сам Франко мог в любое время назначать короля или регент.

Дон Хуан подверг закон резкой критике, заявив, что, разрывая с наследием Бурбонов, он ставит целью изменить природу испанской монархии. Это, как и предшествующие заявления графа Барселонского, исключило для него возможность стать преемником каудильо. Однако у дона Хуана был старший сын Хуан Карлос. И именно на нем, думая о преемнике, Франко остановил свой выбор.

Хуан Карлос: путь к власти в контексте менявшихся испанских реалий

25 августа 1948 г. каудильо пригласил графа Барселонского на свою яхту «Асор» в Бискайском заливе. Во вре-

мя этой исторической встречи Франко ясно дал понять, что предпочитает, чтобы в будущем монархом стал 10-летний сын дон Хуана Хуан Карлос. Графу Барселонскому было предложено послать сына на воспитание в Мадрид. Диктатор стремился сформировать преданного ему и его идеям кандидата на вакантный королевский трон, которому в будущем можно было бы безбоязненно доверить управление государством. Дон Хуан принял это предложение.

Обучение Хуана Карлоса в Испании проходило под контролем Франко. Привязавшись к нему, каудильо вместе с тем долго тянул с решением о наследнике, отчасти, видимо, потому что не хотел мириться с мыслью о неизбежности своего ухода от власти. Более того, он поощрял появление новых кандидатов (Престон, 1999, с. 547).

Только в 1969 г. было принято окончательное решение. 22 июля в Кортесах Хуан Карлос был приведен к присяге как преемник главы государства в ранге короля. Следует заметить, что Франко присвоил ему титул не принца Астурии, традиционный для наследника трона, а принца Испании. Тем самым нарушалась преемственность линии Бурбонов. Каудильо в очередной раз подчеркнул, что новая монархия – это его монархия, уходящая корнями в 18 июля 1936 г. По существу, каудильо построил монархию и будущего короля в систему франкистской государственности, развивая последнюю, но не меняя ее сути. Монархия растворялась в политической системе режима, утрачивая всякое самостоятельное значение. Будущее, однако, по мысли Франко, было за Бурбонами, которые должны были продолжать его дело. Политической основой преемственности власти, задуманной диктатором, становилась присяга, принесенная Хуаном Карлосом.

ном Карлосом франкистским Основным законом².

Решение Франко вопроса о престолонаследии происходило на фоне глубоких социально-экономических и политических сдвигов, сопровождавшихся ростом демократических настроений в испанском обществе. В конце 50-х годов, когда экономическая стагнация начала угрожать стабильности режима, диктатура встала на путь самокоррекции, обратившись к помощи технократов и отказавшись от бесперспективной двадцатилетней политики автаркии. Переход к более открытой хозяйственной системе сделал возможным «экономическое чудо» 60-70-х годов, превративших отсталую аграрно-индустриальную Испанию в индустриально-аграрную страну. В годы бума резко улучшилось имущественное положение населения. Испанцы одного поколения пережили казавшийся невероятным переход от тяжелой нищеты первых послевоенных лет к относительно материальному благополучию. В стране сформировался многочисленный средний класс. Активизация экономических связей с Европой, рост туризма сопровождались усвоением европейских норм и стандартов поведения, секуляризацией общественного сознания. Значительные слои населения начали противопоставлять франкизм представительной демократии. Социально-политическая жизнь в Испании забурилась, начало формироваться гражданское общество, подтачивавшее устои диктатуры. Стало очевидно, что франкизму не удалось преодолеть хронический для Испании XIX вв.

идентификационный кризис. Фиктивное согласие («квазиконсенсус»), сложившееся в 40-50-е годы благодаря террору, демагогии и определенным уступкам населению, на глазах разрушалось³.

В центре общественных дискуссий стоял вопрос: «Что после Франко?». Среди части интеллигенции, авторитетных общественных деятелей распространялось убеждение, что единственно возможная альтернатива – это монархия. Сторонниками данной точки зрения были не только монархисты по убеждению, но и монархисты «по расчету» (зачастую республиканцы, увидевшие в монархии наиболее приемлемый вариант государственного устройства).

Обосновывая эти взгляды, испанский философ Х.Л. Арангурен писал, что монархия создаст «прочный барьер против коммунизма и против анархии». Кроме того, власть монарха – единственное средство, способное избавить страну от опасности милитаризма, традиционного вмешательства армии в политическую жизнь, и в то же время гарантирующее сохранение общественного порядка. «Монархия, – писал философ, – это реальная возможность преодолеть дух гражданской войны. Тот факт, что этот институт стоит как бы «над схваткой», может иметь очень большое значение» (Aranguren, 1974, p. 64-65).

Своеобразие ситуации в Испании Х.Л. Арангурен видел в том, что из-за огромного политического влияния правых сил гипотетическая правая республика будет вынуждена ориентироваться на них и неизбежно превра-

2 Дон Хуан, узнав о решении сына занять королевский трон считал себя обманутым. В течение долгого времени он был холоден с Хуаном Карлосом, в королевском доме Бурбонов существовал конфликт. Принц оправдывал свою позицию перед графом Барселонским тем, что только так можно восстановить монархию в Испании. Лишь спустя много лет дон Хуан найдет в себе силы разделить это убеждение.

3 Подробнее см.: (Хенкин, 2002, с. 171-173).

тится в «консервативную республику». Монархия же, полагал он, сможет осуществить реальную демократизацию. «Только правые способны выполнить программу левых. Теоретически монархии будет легче, чем республике, осуществить программу левых» (Aranguren, 1974, p. 66). Надо сказать, что в Испании возможность установления республиканской формы правления в это время широко не обсуждалась. Переход к ней был маловероятен, поскольку после опыта 30-х годов республика ассоциировалась в массовом сознании с насилием, хаосом, анархией.

Восприятие института монархии было сдержанным, порой критическим. По словам Х.Л. Арангурена, институт монархии «не пробуждал в народе никакого энтузиазма. Рабочие не проявляли к этой проблеме никакого интереса, рассматривая ее как игру в гольф и бридж – развлечения «барчуков» (Aranguren, 1974, p. 51, 61-62). Во многом такое восприятие определялось тем, что большинство населения страны не жило при Бурбонах. В середине 70-х годов о традиционной монархии как о пережитой реальности помнили лишь те испанцы, которые были старше 50 лет. Людей интересовала не столько форма послефранкистского правления, сколько характер будущего режима, перспективы решения насущных социально-экономических проблем.

Индифферентно-критическое отношение к институту монархии усугублялось тогдашним восприятием фигуры Хуана Карлоса. Видя принца рядом с Франко с зачастую бесстрастным и отстраненным выражением лица, многие испанцы считали его пустым и недалеким человеком, верным последователем каудильо, его марионеткой, лишенным в «кооптированной» монархии Франко династической легитимности. Над ним посмеивались, по его поводу рассказывали анекдоты. Мало кто

знал тогда об истинном потенциале будущего главы государства. Между тем, поддерживая корректные отношения с истеблишментом, Хуан Карлос оставался непроницаемым для его идейного влияния. Всю жизнь он преклонялся перед своим отцом, либеральные взгляды которого разделял. Однако окружающая действительность заставляла его скрывать свои взгляды. Много позже король говорил, что «в течение двадцати лет должен был изображать слабоумного, что было нелегко, но, бесспорно, удалось, потому все в это поверили» (Villalonga, 1993, p.146).

Не удивительно поэтому, что после смерти Франко, последовавшей 20 ноября 1975 г., новый глава государства оказался в очень сложной ситуации.

Демонтаж франкистской диктатуры

22 ноября 1975 г. принц был приведен к присяге и провозглашен королем Испании под именем Хуан Карлос I. Формула присяги гласила: «Клянусь Богом и на Евангелии исполнять основные законы королевства и всемерно заботиться об их исполнении» (Бернекер, 1998, с. 433).

Новый глава государства встал перед выбором. Франкистский режим со смертью своего основателя отнюдь не начал разваливаться. Он еще обладал некоторым запасом прочности, опирался на мощный военно-репрессивный аппарат. Демократическое движение, добившись определенных успехов, тем не менее не стало общенародным, способным смести диктатуру. Объяснение этому следует искать и в жестоких репрессиях первых лет франкизма, оставивших после себя «зияющие пустоты» в рабочих организациях, и в аполитичности масс, насаждавшейся режимом, и в социально-психологиче-

ских последствиях промышленного бума, в частности, массовом распространении конформистских настроений. Вместе с тем налицо был серьезный кризис франкизма, потерявшего поддержку своей прежней опоры – влиятельных кругов политической и экономической элиты и церковной олигархии. Конечно, король мог придать режиму форму абсолютной монархии по образцу существующих в ряде стран Азии. Но было ясно, что Хуан Карлос, не обладавший ни династической, ни демократической, ни тем более харизматической легитимностью не сможет упрочить позиции монархии, сохранив статус-кво.

В своем первом выступлении в Кортесах Хуан Карлос, призвав испанцев покончить с разногласиями и достичь «эффективного согласия, основанного на национальном примирении», заявил о намерении стать «королем всех испанцев» (Prego, 1997, p. 433). Король с полной очевидностью продемонстрировал стремление преодолеть раскол нации на два враждебных лагеря, порожденный братоубийственной гражданской войной и занять надпартийную позицию.

Представители демократической оппозиции в своем большинстве продолжали не верить в то, что авторитарная монархия способна самотрансформироваться и встать на путь демократизации политической жизни Испании. Нередко это неверие подкреплялось негативным отношением к институту монархии вообще, а также догматическим республиканизмом – наследием прошлого.

Между тем Хуана Карлос уже в это время ориентировался на демократизацию политической жизни Испании и, соответственно, обретение демократической легитимности. При этом он был сторонником эволюционного пути развития, отказавшись от распространен-

ной в то время идеи «демократического разрыва» с франкизмом, потенциально чреватого хаосом и беспорядками.

Казалось бы, у Хуана Карлоса было достаточно властных полномочий, перешедших по наследству от Франко, для претворения своих планов в жизнь. В соответствии с действовавшим законодательством король олицетворял собой национальный суверенитет и являлся высшим представителем нации. Без его согласия нельзя было изменять Конституцию. Чтобы инициировать реформу Основных законов, король мог обращаться к нации посредством референдума. Он назначал и снимал главу правительства и председателя Кортесов, мог председательствовать на заседаниях кабинета министров, издавать распоряжения в ранге законов, санкционировать законы-декреты, не соглашаться с обнародованием того или иного закона.

Однако реальные возможности Хуана Карлоса не соответствовали объему его властных полномочий. Дело в том, что глава государства мог принимать решения лишь с согласия и в координации с основными государственными институтами – правительством, кортесами и советом королевства (этот совещательный орган был предназначен оказывать помощь главе государства во всех наиболее важных делах и решениях, относящихся к его исключительной компетенции). В ст. 8 Органического закона (принят в 1967 г.) говорилось, что «распоряжения главы государства должны быть узаконены в зависимости от предмета рассмотрения, председателем правительства или соответствующим министром, председателем Кортесов или председателем совета королевства. Любые распоряжения, не учитывающие этого процедурного требования, теряют силу» (Ferrando Badia, 1979, p. 43). Например, глава государства мог утвердить законы лишь

при условии, что до этого они уже одобрены Кортесами. Назначить или снять главу правительства он мог лишь с согласия Совета королевства.

Таким образом, король не играл роли арбитра, он был одним из акторов на политической сцене Испании, действовавшим по уже установленным «правилам игры». Законодательство «позднего франкизма», претерпевшее значительную эволюцию по сравнению с «ранним» периодом диктатуры, существенно ограничивало возможности главы государства. Если для Франко эти ограничения носили чисто символический характер, то для Хуана Карлоса они становились осязаемыми.

Реформаторские начинания короля ограничивало то, что основные государственные институты возглавляли ортодоксальные франкистские чиновники, на поддержку которых он рассчитывать не мог. Хуан Карлос ориентировался на сочетание торга и договоренностей с франкистами с «выдавливанием» их из властных структур. По существу, взяв курс на преобразование политической системы франкизма изнутри, король предпринял рискованный эксперимент, предсказать исход которого было невозможно.

Хуан Карлос начал реформы с обновления руководства ведущих структур, прежде всего поста председателя кортесов и совета королевства (ими по франкистским законам руководило одно и то же лицо). Прежде всего путем сложных переговоров он сумел добиться от совета королевства согласия на назначение на пост его председателя профессора политического права Торкуато Фернандеса-Миранды, который в годы учебы будущего короля был его учителем и наставником. Король ценил его за глубокие знания и блестящий ум.

Затем Хуан Карлос очистил кабинет министров от ортодоксальных франкистов. В июле 1976 г. он добился на-

значения председателем правительства Адольфо Суареса (в предыдущем составе кабинета министров последний был министром-генеральным секретарем франкистского «Национального движения»). Король последовал совету Фернандеса-Миранды, по мнению которого энергичному и амбициозному Суаресу было вполне по плечу демонтировать франкистский режим.

При поддержке короля Суарес и Фернандес-Миранда к июню 1977 г. провели реформы, ликвидировавшие ряд франкистских структур и вводившие демократические институты и нормы (ропуск франкистского «Национального движения и вертикальных профсоюзов, легализация левых партий и профсоюзов, реформа избирательной системы). Движение по пути демократизации политической системы происходило в условиях мощного сопротивления со стороны правых и ультраправых сил, стремившихся сохранить статус-кво. Проведенные реформы создали основу для легитимизации монархии Хуана Карлоса.

Ключевым звеном перехода к демократии стала конституционная реформа (ее называют также политической реформой). Король стремился демонтировать франкизм при опоре на действующие правовые институты, не нарушая нормального хода политического процесса. Еще в 1969 г. перед тем, как король присягнул на верность принципам Национального движения, Фернанде-Миранда сказал ему: «Законы обязывают, но не связывают. Они позволяют легитимно проводить реформы – переходить от одного закона к другому» (Bardavio, 1978, p. 66). Имелся в виду механизм пересмотра существующего порядка, присутствовавший во франкистском законодательстве. В ст. 10 Закона «О наследовании поста главы государства» отмечалось: «Для того, чтобы отменить или изменить Основ-

ной закон, требуется, помимо согласия кортесов, народный референдум».

В законопроекте о политической реформе, внесенном правительством в кортесы, декларировался суверенитет народа, подразумевалась ликвидация основных институтов франкизма – корпоративных кортесов и «Национального движения», избрание двухпалатного парламента на основе всеобщего, прямого и тайного голосования.

Одобрение франкистскими прокурадорами этого законопроекта, демонтирующего франкистскую государственность и создающего основы демократического строя, становилось для них «политическим характером». Казалось невозможным, что чиновники прежнего режима проголосуют за принятие закона, который положит конец и франкистским кортесам, а следовательно, и их карьере, и политической системе франкизма в целом. К тому же в соответствии с порядком работы кортесов решающую роль при обсуждении законопроектов играли парламентские комиссии. Им не устанавливался для этого определенный срок, поэтому они могли затягивать обсуждение вопроса до бесконечности. Было очевидно, что законопроект, предполагающий упразднение основных франкистских институтов, обречен: либо он вообще не выйдет из кортесов, либо будет изменен до неузнаваемости.

Фернандес-Миранда начал реформирование деятельности кортесов. Он заменил председателей комиссий, сместив с этих постов ортодоксальных франкистов, ввел режим «срочного прохождения» для определенных законопроектов. Важное значение имело и создание парламентских групп (помимо комиссий) в соответствии с идейно-политическими позициями прокурадоров. Благодаря такому членению, сторонники реформ могли действовать, опираясь на поддержку своей группы

и создавая ощутимый перевес ортодоксальными франкистами.

Эти перемены подготовили прохождение закона о политической реформе. 18 ноября 1976 г. после жарких дебатов, продолжавшихся в общей сложности 25 часов, законопроект был поставлен на голосование, результаты которого превзошли все ожидания реформаторов. 425 депутатов высказались за принятие закона, 54 – против, 13 воздержались (Palacio Atard, 1989, p. 33). Таким образом, произошло невероятное: прямой путь к демократии в Испании парадоксальным образом открыли сами франкисты.

Столь крупный успех объяснялся, разумеется, не только реформой кортесов. Сказалось и давление правительства на часть прокурадоров, сочетавшего обещания и едва прикрытые угрозы в их адрес. Намного позже, в 1984 г. А. Суарес признал, что голоса ряда прокурадоров «были куплены обещаниями в будущем влиятельных постов» (Palacio Atard, 1989, p. 117).

В соответствии с франкистским законом «О наследовании поста Главы государства» король вынес законопроект на референдум. Демократическая оппозиция оказалась перед дилеммой. Поддержать законопроект значило отказаться от ранее принятой линии на «разрыв с франкизмом» и одобрить курс правительства А. Суареса, которое осенью 1976 г. еще воспринималось многими как постфранкистское. Занять негативную позицию по отношению к законопроекту значило выступить против реформы, ведущей к установлению в стране демократии.

Делая выбор, лагерь демократических сил раскололся. Многие партии и организации одобрили законопроект, призвав население проголосовать за него. Напротив, компартия и Испанская социалистическая рабочая партия (обе тогда еще не были легализованы)

призывали бойкотировать референдум, ссылаясь, в частности, на то, что правительство ограничивается лишь обещаниями демократии, в то время как в стране отсутствуют демократические свободы и сохраняется старый механизм власти.

Большинство испанцев не поддерживали призыв КПИ и ИСРП, увидев в законе реальную возможность ликвидации политических институтов франкизма. Из общего числа участвовавших в голосовании в поддержку законопроекта высказалось 94,2%, против – лишь 2,6%. В то же время 22,6% всех избирателей бойкотировали референдум, продемонстрировав по разным причинам свое несогласие с позицией правительства (Tamames, 1977, p. XXXI).

Результаты референдума убедили оппозиционные организации, призывавшие к его бойкоту, в необходимости принять реформу, проводившуюся под эгидой Хуана Карлоса, как единственно возможный в тех условиях путь мирной ликвидации франкистского режима. Лозунг «демократического разрыва» с франкизмом был снят. Возобладала идея «согласованного разрыва», исходившая из того, что демократические реформы могут быть проведены путем переговоров и сотрудничества между оппозицией и реформистами во власти.

Получив поддержку большинства населения на референдуме, Хуан Карлос обрел демократическую легитимность, что было крайне важно в тогдашней политической ситуации. Следует подчеркнуть, что он добился своей цели, ни на йоту не отступив от существующего законодательства и создав все предпосылки для мирной трансформации франкистской легальности в демократическую.

Разумеется, в повседневной жизни испанцев переход к демократической легальности вовсе не выглядел идиллией. В 1976-77 гг. в стране существовала

ситуация юридического вакуума, когда власти в центре и на местах по своему разумению решали, применять ли им франкистское законодательство, все еще остававшееся в силе. Подобная ситуация создавала чрезвычайно сложную, запутанную обстановку. Часто случалось, что людей арестовывали и тут же освобождали, а освободив, арестовывали вновь. То, что запрещали в одном месте, разрешали в другом, а то, что разрешали в этот день, запрещали назавтра.

И все же главное состояло в том, что в этой полной противоречий ситуации реформаторам удалось сохранить контроль над положением дел в стране. Хуан Карлос выступал одновременно как «мотор» и как покровитель перехода от франкизма к представительной демократии. Борясь за создание парламентского режима с разделением властей, король стремился преодолеть франкистскую традицию единовластия. Действуя за кулисами и сохранив за собой роль арбитра, он был готов добровольно отказаться от многих своих полномочий, поделиться ими с теми с теми властными структурами, которые предстояло создать.

Успеху рискованного эксперимента, задуманного монархом, благоприятствовала позиция армии. Основная масса офицерства лояльно отнеслась к королю, верховному главнокомандующему, официальному преемнику Франко. Заручившись поддержкой широких слоев армии и высшей бюрократии, король стал для них олицетворением преемственности режима.

Особенно важным для успеха реформ – отметим это еще раз – было обретение Хуаном Карлосом легитимности демократической, поддержки широкого спектра прогрессивных сил.

Полностью узаконенным его властвование стало после обретения династической легитимности. Это случи-

лось 14 мая 1977 г, когда во дворце Сарсуэла в присутствии королевской семьи и государственного нотариуса дон Хуан официально отказался от своих прав на престол в пользу сына. Своим поступком граф Барселонский устранил существовавший многие годы династический дуализм, который пугал многих монархистов. Обретя династическую легитимность, Хуан Карлос стал прямым наследником своего деда Альфонсо XIII, свергнутого в 1931 г.

Слияние в фигуре Хуана Карлоса разных типов легитимности (по классификации Макса Вебера – традиционной, легальной и харизматической) стало символом того, что Испания восстановила правопреемство, обрела национальную идентичность. Король превратился в полюс притяжения для самых разных социально-политических сил. В решающей степени этому способствовал он сам, выступив инициатором сближения правых и левых сил Испании.

Политика национального примирения привела к окончательному преодолению раскола испанских правых и левых сил, их взаимным уступкам. Этот курс материализовался в «пактах Монклоа» – соглашении между правительством и всеми представленными в Кортесах партиями (оно действовало с октября 1977 г. по декабрь 1978 г.) «Пакты Монклоа» были компромиссом, в соответствии с которым каждая из сторон согласилась на уступки во имя достижения общих целей – стабилизации режима представительной демократии и смягчения последствий экономического кризиса середины 70-х годов. Межпартийное соглашение создало благоприятный климат для разработки демократической Конституции страны взамен франкистского законодательства. Конституция согласия, в разработке которой участвовали представители правительства и основных партий, была одо-

брена большинством голосов (87,7%) на референдуме в декабре 1978 г. Всенародное одобрение Конституции означало ратификацию его демократической легитимности Хуана Карлоса.

Благодаря Хуану Карлосу индифферентность и даже негативное отношение испанцев к монархии сменились уверенностью в ее важности и нужности. В январе 1977 г. 77% опрошенных согласились с тем, что король играет «важную или очень важную роль», а 72% придерживались мнения, что король управляет «хорошо или очень хорошо» (Palacio Atard, 1989, p. 129).

Существенно также, что деятельность короля нашла позитивную оценку у 42% опрошенных, ранее считавших себя республиканцами. Многие из них превратились теперь в сторонников монархии, точнее хуан карлистов, по испанской терминологии. Радикальные перемены произошли и в группах населения, прежде выказывавших безразличие в отношении формы государственного устройства Испании – 65% респондентов позитивно оценили роль короля (Palacio Atard, 1989, p. 130).

Примечательно, что левые партии – компартия и Испанская социалистическая рабочая партия, традиционно стоявшие на республиканских позициях, признали монархию. Они перестали акцентировать внимание на дилемме «монархия – республика», заявив, что линия водораздела в обществе другая, а именно «демократия – диктатура». Сдвиг в их позициях благоприятствовал упрочению демократических порядков.

Несмотря на обретение верховной властью всесторонней легитимности и состоявшееся национальное примирение, молодой испанской демократии предстояло еще пройти серьезное испытание. Ее главным противником были консервативные круги офицерства, крайне недовольные процессом демо-

кратизации, который, по их мнению, означал реванш со стороны побежденных в гражданской войне. 23 февраля 1981 г. около 200 гражданских гвардейцев ворвались в здание Кортесов, где в это время утверждалась кандидатура нового председателя правительства, превратив в заложников 350 депутатов, руководителей основных партий и членов правительства. Резервом путчистов (рассчитывавших склонить на свою сторону короля) были офицеры, в том числе высокопоставленные, занимавшие выжидательную позицию. В заговор были вовлечены и многие влиятельные гражданские лица – промышленники, банкиры, финансировавшие мятежников.

История распорядилась так, что Хуан Карлос, как и на первом этапе демократизации, вышел из-за кулис и стал главным действующим лицом разыгравшейся драмы. Король оказался в тот момент единственным из руководителей страны, способным свободно решать и действовать. Обратившись к путчистам и приказав им сложить оружие, король спас молодую демократию, когда остальные защитные средства не сработали.

Констатируя рост влияния института монархии и изменение представлений о ней в общественном сознании в переходный период, испанские политологи Р. де Агила и Р. Монтеро выделяют следующие фазы этого процесса: «В испанском политическом дискурсе дилемма монархия – республика уступила место дихотомии диктатура – демократия. Монархия мало-помалу превратилась в арбитра системы, затем в ее «стержень», позже в символ единства и равновесия и, наконец, в защитника свобод» (de Aguila, Montoro, 1984, p. 148).

Конституция 1978 г. юридически оформила создание в Испании «немонархической монархии» (выражение философа Х.Л. Арангурена), при кото-

рой король, царствуя, а не управляя, является верховным арбитром, попечителем, опорой нации. В соответствии с Конституцией, король – «глава государства, символ единства и постоянства, арбитр в деятельности учреждений», осуществляющий высшее представительство Испании в международных делах.

Король, в частности, санкционирует и промульгирует законы, созывает и распускает Генеральные кортесы, назначает выборы и референдум на условиях, предусмотренных Конституцией, осуществляет верховное командование вооруженными силами. От имени короля действует судебная власть. Особенность положения короля состоит в том, что он не интегрирован в ветви власти. Исполнительная власть отделена от монарха и принадлежит правительству.

Кажущиеся многочисленными полномочия короля на деле весьма скромны. Он не может предпринять каких-либо инициатив. Королю принадлежит лишь право санкционировать решения, принимаемые другими органами.

Реальное место, которое занимал Хуан Карлос в политической жизни, несоизмеримо со скромной ролью, отводимой монарху Конституцией. Король, внесший огромный вклад в становление, развитие и защиту демократии, многие годы пользовался непрерываемым авторитетом, был верховным арбитром жизни нации, мнения и решения которого не подвергались сомнению.

Историческое значение и уроки испанского опыта

Исторической заслугой Хуана Карлоса является восстановление в Испании правопреемства, связи между прошлым, настоящим и будущим. В российском общественном сознании с советских времен монархия зачастую ас-

социируется с авторитарной традицией, социальным консерватизмом, регрессом. Опыт испанской истории убедительно свидетельствует об односторонности такого подхода, доказывая, что монархия – гибкая и идеологически нейтральная форма власти, способная представлять в различных ипостасях. Монархические режимы в истории Испании были абсолютными и конституционными, соединялись с военно-диктаторскими режимами и с демократией.

Монархия Хуана Карлоса отличается от всех прежних разновидностей монархической власти в Испании. Прежде всего она носит национальный, а не сословный характер, представляет интересы всего населения. Кроме того, Хуан Карлос меньше, чем его предшественники участвовал в управлении страной. И тем не менее монархия стала стержнем нации. Именно при Хуане Карлосе Испания разорвала с казавшимся бесконечным кругом насилия – революций, восстаний, гражданских войн, смены различных разновидностей авторитарных режимов на демократический путь развития. Король-арбитр превратился в фигуру, необходимую для населения страны.

Еще в 1920 – 30-х годах многим казалось, что демократию в Испании можно установить, лишь ликвидировав монархию и провозгласив республику. Спустя несколько десятилетий произошло прямо противоположное: именно монархия сыграла ключевую роль в становлении и консолидации демократии. Ныне между двумя этими понятиями нет никакого противоречия.

Однако исторический спор между монархией и республикой в Испании не завершился. В начале XXI в.

проблема, казалось бы, оказавшаяся на периферии общественной жизни, вновь вышла на поверхность. И отчасти причиной тому – сам король и его семья, оказавшиеся вовлеченными в коррупционные скандалы. По Испании прокатилась волна демонстраций сторонников республики, требовавших упразднения монархии как архаичного, неизбираемого института, который к тому же содержится на средства налогоплательщиков. В июне 2014 г. Хуан Карлос отрекся от престола в пользу своего сына Фелипе. В первые годы царствования Филиппу VI удалось восстановить доверие многих испанцев к институту монархии – отчасти благодаря предпринятым антикоррупционным действиям в королевском доме.

Критическое отношение к Хуану Карлосу связано не только с последним периодом его царствования. В годы глобального кризиса, больно ударившего по Испании, здесь широко распространилась точка зрения, что вину за обнажившиеся проблемы несут деятели переходного периода, закладывавшие фундамент современной политической системы, в том числе король Хуан Карлос⁴. Однако, на наш взгляд, вряд ли правильно устанавливать прямую, непосредственную связь между современными проблемными зонами испанского социума и политической времен транзита. Главное состоит в том, что король и другие политические лидеры того времени, действуя в сложных условиях, узком коридоре возможностей, сумели избежать гражданской войны и сделать политическую систему Испании управляемой и стабильной.

Давая общую оценку роли, сыгранной Хуаном Карлосом в испанской

4 См., например: (Monedero, 2011).

истории, на первое место следует ставить его заслуги, а не промахи. Испанцы 1970-х годов приняли монархию, потому что их покорил король, а не монархия как институт. Хуан Карлос доказал свое право на престол не столько династической традицией и помазанием Божьим, сколько практическими действиями.

Список литературы

Бернекер В.Л. (1998). Хуан Карлос I (с 1975 г). *Испанские короли*. Ростов-на-Дону: Феникс. 423-456.

История Европы. От французской революции конца XVIII века до Первой мировой войны. (2000). М.: «Наука». 667.

Престон П. (1999). *Франко. Биография*. М.: Центрполиграф. 702.

Хенкин С.М. (2001). *Хуан Карлос I: политический портрет*. М.: ИНИОН. 88.

Хенкин С.М. (2002). Становление и консолидация демократии: испанский вариант. *Полис. Политические исследования*, (5). 170-179.

Aguila R.de, Montoro R. (1984). *El discurso político de la transición Española*. Madrid: Centro de Investigaciones sociológicas. 272.

Aranguren J.L. (1974). *La Cruz de la Monarquía Española actual*. Madrid: Taurus. 120.

Bardavio J. (1978). *El dilema. Un pequeño caudillo o un gran rey*. Madrid: Strips. 239.

Ferrando Badia J. (1979). De la monarquía del 18 de julio a la monarquía parlamentaria del proyecto constitucional de 1978. *Las experiencias del proceso político constitucional en Mexico y España*. Mexico: Universidad nacional autónoma de Mexico. 15-96.

Monedero J.C. (2011). *La transición contada a nuestros padres. Nocturno de la democracia española*. Madrid: Catarata. 232.

Palacio Atard V.(1989). *Juan Carlos y el advenimiento de la democracia*. Madrid: Espasa-Calpe, 1989. 145.

Prego V. (1997). *Así se hizo la Transición* (1977). Barcelona: Plaza & Janes. 691.

Tamames R. (1977). *A donde vas, España?* Barcelona: Planeta. 236.

Villalonga J.L. (1993). *El Rey. Conversaciones con D.Juan Carlos I de España*. Barcelona: Plaza & Janes. 255.

References

Aguila R.de, Montoro R. (1984). *El discurso político de la transición Española*. Madrid: Centro de Investigaciones sociológicas. 272.

Aranguren J.L. (1974). *La Cruz de la Monarquía Española actual*. Madrid: Taurus. 120.

Bardavio J. (1978). *El dilema. Un pequeño caudillo o un gran rey*. Madrid: Strips. 239.

Berneker V.L. (1998). Juan Carlos I (since 1975). *Spanish kings*. Rostov-na-Donu: Feniks. 423-456.

Ferrando Badia J. (1979). De la monarquía del 18 de julio a la monarquía parlamentaria del proyecto constitucional de 1978. *Las experiencias del proceso político constitucional en Mexico y España*. Mexico: Universidad nacional autónoma de Mexico. 15-96.

History of Europe. From the French Revolution of the Late 18th Century to the First World War. (2000). Moskva: «Nauka». 667.

Khenkin S.M. (2001). *Juan Carlos I: political portrait*. Moskva: INION. 88.

Khenkin S.M. (2002). Formation and Consolidation of Democracy: the Spanish version. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (5). 170-179.

Monedero J.C. (2011). *La transición contada a nuestros padres. Nocturno de la democracia española*. Madrid: Catarata. 232.

Palacio Atard V. (1989). *Juan Carlos y el advenimiento de la democracia*. Madrid: Espasa-Calpe, 1989. 145.

Prego V. (1997). *Así se hizo la Transición* (1977). Barcelona: Plaza & Janes. 691.

Preston P. (1999). *Franco. A Biography*. Moskva: Tsentrpoligraf. 702.

Tamames R. (1977). *A donde vas, España?* Barcelona: Planeta. 236.

Villalonga J.L. (1993). *El Rey. Conversaciones con D. Juan Carlos I de España*. Barcelona: Plaza & Janes. 255.

Информация об авторе

Сергей Маркович Хенкин, доктор исторических наук, профессор, кафедры сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, 76
sergkhenkin@mail.ru

About the Author

Sergey M. Khenkin, Doctor of History, Professor, Department of Comparative Political Science, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
sergkhenkin@mail.ru